

Аромат супа из волчьих потрохов, приготовленного поваром, разносился повсюду, вызывая урчание в животах. Когда тетушка Чу привела детей в центр досуга, они сразу же уловили этот аппетитный запах. Цзян Сяохэн глубоко вдохнул и с восторгом произнес:

— Ах~ как вкусно пахнет~

Но больше, чем суп, Сяохэн ждал встречи с отцом. С тех пор, как Цзян Жун решил заняться охотой на волков, он оставил сына в доме Чу Цяна. Под присмотром дядюшки Чу и тетушки Чу он мог спокойно заниматься своими делами.

Сяохэн встал на цыпочки, огляделся в толпе и сразу заметил отца, который стоял, облокотившись на пикап, скрестив руки на груди. Он взял за руку Цзян Хао и, держа Лэлэ, громко крикнул, направляясь к отцу:

— Папа—

Цзян Жун наклонился, чтобы обнять сына и Цзян Хао:

— Эй~

Сяохэн крепко обнял отца за шею, а затем несколько раз поцеловал его в щеку. Лэлэ был еще более экспрессивным, облизывая подбородок Цзян Жуна, оставляя блестящие следы слюны. Цзян Жун засуетился:

— Лэлэ, Лэлэ, хватит.

Цзян Хао, подражая Сяохэну, медленно приблизился к Цзян Жуну и слегка коснулся его щеки, что можно было считать поцелуем.

Цзян Жун прищурился:

— Молодец~

Цзян Хао медленно отвернулся, на его щеках появился легкий румянец. Затем он отступил на два шага, освободившись из объятий Цзян Жуна, и встал рядом с Гуань Шао. Гуань Шао погладил его по голове:

— Хорошо.

Румянец на лице Цзян Хао стал еще ярче, его обычно бесстрастное лицо оживилось.

После поцелуев Сяохэн не собирался отпускать отца. Он начал болтать, рассказывая о своей тоске:

— Папа, я так по тебе скучал, ты закончил работу? Сегодня я могу пойти домой спать?

Цзян Жун еще не успел ответить, как Чу Цян вмешался, широко раскрыв глаза:

— Маленький неблагодарный, у меня дома спать плохо? Я каждый день читаю тебе сказки, разве не лучше, чем твой папа?

Сяохэн задумался на мгновение, затем наклонил голову и мягко сказал:

— Дядя Чу, вы очень добры ко мне, но я тоже очень скучаю по папе.

Цзян Жун поднял сына и серьезно пообещал:

— Хорошо, как только я закончу дела, мы пойдем домой вместе.

Сяохэн продолжал болтать, делаясь с отцом своими маленькими секретами: например, что он выучил новую песню, что Лэйлэй дала ему бутылочку Лэлэдо, что брат Сяо Хао играл с ним... Он, как липкий коала, крепко держался за Цзян Жуну, не желая отпустить.

Когда Пань Пань получил сообщение и пришел в центр досуга, он увидел именно такую сцену. Молодой отец нежно держал своего ребенка, и это было прекрасное зрелище как до Великого Кризиса, так и после. Но он знал, насколько опасным был этот внешне спокойный и учтивый эспер, глядя на груду волчьих шкур, сложенных в центре досуга, он не мог расслабляться.

Хотя он тоже был эспером, его способность была связана с элементом земли. Если бы он присоединился к другой команде эсперов, его способность могла бы использоваться только как щит, и он бы погиб первым. Он не хотел связываться с другими эсперами и не хотел быть им обязанным. Он просто хотел жить спокойно с матерью, но даже это скромное желание было трудно осуществить.

Если бы он не пришел забрать Пань Сяоцюаня, его бессовестные родственники могли бы причинить вред его матери.

Почувствовав необычную атмосферу, Цзян Жун поднял голову и посмотрел. Чу Цян быстро шепнул ему на ухо:

— Это Пань Пань.

При первом взгляде на Пань Паня Цзян Жун был удивлен. Он представлял его как крепкого молодого человека, но перед ним стоял стройный, бледнокожий парень в черных очках и белой рубашке.

Левая рука Пань Паня была перевязана, и он слегка прихрамывал, похоже, что он еще не оправился от тяжелой травмы. Он медленно подошел к Цзян Жуну и кивнул:

— Я Пань Пань из пятой рыболовецкой команды. Я слышал, что вы задержали Пань Сяоцюаня. Скажите, что я должен сделать, чтобы вы его отпустили.

Говоря «Пань Сяоцюань», в глазах Пань Паня появилось явное отвращение.

Цзян Жун поставил сына на землю:

— Сяохэн, иди поиграй с братиком и сестрой Лэйлэй.

Сяохэн с любопытством посмотрел на Пань Паня, улыбнулся ему и побежал к Ван Чуньлань и ее дочери.

После того как Пань Пань закончил говорить, он застыл перед Цзян Жуну, опустив глаза и не глядя на него, но Цзян Жун не пропустил скрытый гнев в его взгляде.

После короткой паузы Цзян Жун произнес первое предложение после встречи:

— Ты поужинал? Если нет, давай вместе выпьем супа. Повар приготовил его, и он очень вкусный.

Пань Пань удивленно поднял голову, но прежде чем он что-то сказал, его живот издал громкое урчание.

Это было... слишком неловко.

Цзян Жун не пытался сблизиться с Пань Панем, он действительно был голоден. Сельские повара готовили обильно и сытно, и суп из волчьих потрохов, приготовленный Лю Лаосанем и его командой, был молочно-белым, густым и ароматным. До Великого Кризиса любители здорового питания называли бы его тяжелым пуриновым супом.

Но все присутствующие не видели мяса больше месяца, и теперь, почувствовав аромат, они были готовы съесть что угодно, лишь бы утолить голод. Все сидели за простыми столами, жадно поглощая суп и мясо, сосредоточившись только на еде.

Пань Пань ожидал, что Цзян Жун и его люди начнут выдвигать условия, но суп почти закончился, а он услышал только несколько обыденных фраз:

— Хотите масло чили?

— Хотите кинзу?

— Хотите еще одну порцию?

Последняя фраза была адресована Пань Паню. Он хотел отказаться, но его тело было слишком честным. Прежде чем он успел подумать, он уже кивнул.

Перед Пань Панем появилась еще одна порция супа с золотистыми каплями жира. На этот раз он не мог больше сдерживаться:

— Скажите, что вы хотите, чтобы я сделал, и я постараюсь выполнить.

Цзян Жун указал на комнату, где содержался Пань Сяоцюань:

— Пань Сяоцюань украл ваши вещи, чтобы обменять их на волчье мясо. Я не терплю воров. Я просто хотел, чтобы вы знали об этом. Выпейте суп и заберите его.

До прихода Пань Паня Цзян Жун наслушался сплетен. Мать Пань Паня вышла замуж за жителя пятой деревни, и Пань Пань был ее «довеском». Хотя многие не верили в успех этого брака, после свадьбы они стали счастливой семьей, и отчим относился к Пань Паню как к родному сыну, давая им обоим много любви и заботы.

Но во время Великого Кризиса отчим Пань Паня погиб, и родственники Пань Паня попытались выгнать их с матерью, забрав их дом и имущество. Они говорили, что Пань Пань не был их кровью и не имел права жить в их доме.

Но дом, в котором жил Пань Пань, был построен его матерью и отчимом, и мать Пань Паня отказалась уходить. Пань Пань, чтобы защитить их дом, раз за разом уступал своим бессовестным родственникам.

Наверное, и на этот раз его заставили прийти родственники.

В глазах Пань Паня мелькнули гнев, смущение и бессилие. Он опустил голову и неуклюже попытался подцепить кусочки мяса со дна миски. Возможно, он был сыт или у него не было сил, но вторая порция супа шла медленнее, чем первая.

Цзян Жун не торопил его. Закончив есть, он и его люди занялись своими делами. Ему нужно было сменить Жуань Ханьюй, которая работала несколько часов и справлялась с задачей хорошо. Уже стемнело, и пора было забирать мясо.

Жуань Ханьюй передала Цзян Жуну приготовленные вещи и собиралась встать в очередь, но Цзян Жун остановил ее и повернулся к Чжан Чжоу:

— Отрежь десять цзиней волчьего мяса.

Затем он обратился к Лю Лаосаню:

— Упакуй порцию супа.

Через некоторое время Чу Цян передал Жуань Ханьюй мясо и упакованный суп. Жуань Ханьюй отступила в удивлении:

— Нет, не надо. Я просто хотела помочь.

Цзян Жун посмотрел на нее и серьезно сказал:

— Это то, что ты заслужила. Возьми.

Жуань Ханьюй улыбнулась, но глаза ее покраснели:

— Цзян Жун, вы хороший человек.

Увидев покрасневшие глаза Жуань Ханьюй, Цзян Жун добавил:

— Ты знаешь поговорку: «Невиновный, но обладающий сокровищем, становится виновным»?

<http://bllate.org/book/16638/1524559>